

СООБЩЕНИЯ

Новое и старое в поместном быту России в первой половине XVIII в.

А.В. Шипилов

Первая половина XVIII в. в отечественной истории стала временем масштабных культурных преобразований, явившихся результатом политики Петра I и его преемников. В первую очередь это затронуло дворянство как государствообразующее сословие, причем самыми в буквальном смысле очевидными были изменения в том, что составляет материальную основу повседневности, окружая человека самым непосредственным образом, — в быту, причем не в официально-служебной, а в приватно-семейной жизни. Если в казарме или канцелярии дворянин в качестве офицера или чиновника выступал агентом государства и волей-неволей становился носителем новой вестернизированной культуры, то у себя дома он, по крайней мере, потенциально мог делать то, что хочет, а не то, что должен, особенно, если этот дом находился вдали от полка или коллегии — в поместье. Соответственно, посредством изучения именно поместного быта можно выявить интенсивность и динамику преобразований российской культуры в первые десятилетия Нового времени.

Специфика ситуации заключается в том, что российский дворянин первой половины XVIII в. был «помещиком» скорее номинально, чем реально. К началу столетия дворянство представляло собой среднюю часть иерархического конгломерата служилых чинов, границы которого простирались от думных бояр и окольных до стрельцов и пушкарей, объединенных обязательной государственной службой, для обеспечения исправности несения которой им предоставлялась в условную собственность земля, причем необязательно вместе с сидевшими на ней крестьянами. В петровскую эпоху шляхетское сословие было создано путем рассечения корпуса старых служилых чинов на две части по, опять-таки, служебному признаку: имевшие к тому времени обер-офицерские чины стали дворянами, не имевшие

Шипилов Андрей Васильевич — доктор культурологии, профессор Воронежского государственного педагогического университета.

их попали в государственные крестьяне. В этих условиях дворянин-помещик рассматривался государством не столько как собственник, сколько как собственность. Как сформулировал И.Т. Посошков, «земля, коя и под ним самим, не ево, но великого государя, а и сам он не свой, но его ж величества»¹.

Хотя еще с 1676 г. поместье наследовалось по закону подобно вотчине, указом о единонаследии 1714 г. вотчины в отношении службы были приравнены к поместьям и за неявку на смотр, а тем более за укрывательство от службы отписывались на государя. Указ Анны Иоанновны 1731 г. дал право дворянам свободно завещать как поместья, так и вотчины, тем самым поместье превратилось из условной в безусловную частную собственность, не связанную с обязанностью нести государственную службу. Однако служба оставалась не только обязательной (как «недорослей», так и взрослых «нетчиков» штрафовали, переводили в нижние чины, ссылали и, разумеется, конфисковывали у них имения), но и бессрочной, с постоянными переводами с места на место; получить отпуск, а, тем более, отставку было большой проблемой и редкой удачей.

В результате в свое поместье дворянин попадал редко и на короткое время. С.А. Корф, характеризуя положение дворянства в первой половине XVIII в., писал: «Дворян в провинции было очень мало; почти все сословие поголовно находилось либо в столицах, либо в войсках на границах государства. В уезде дворяне жили лишь исключением, большей частью отставные старики да самые беднейшие представители этого сословия»². Только в 1736 г. правительство пошло навстречу многочисленным просьбам шляхетства, издав манифест, ограничивавший службу 25-летним сроком и разрешавший одному из мужчин дворянской фамилии не служить, а оставаться дома³. Впрочем, даже этот счастливцев мог быть востребован на гражданскую службу, что же касается выслуживших свой срок военных, правительство тем более не спешило следовать букве собственных же указов — в 1740 г. с уходящего в отставку по выслуге лет дворянина стали брать, в виде отступного, рекрута, в 1742 г. тех офицеров, кто по старости или болезни уже не мог служить в полевых полках, было велено направлять, вместо отставки, на гарнизонную службу, и т.д. И лишь Манифест о вольности дворянской, изданный Петром III в 1762 г., установил, что все находящиеся на государственной службе чиновники-дворяне имеют право по собственному желанию продолжать служить или же выйти в отставку, сохраняя за собой чин, чем многие и воспользовались, наконец-то получив возможность стать помещиками не только юридически, но и фактически.

Необходимость этой преамбулы обусловлена предположением, что на протяжении всего рассматриваемого периода владельцы поместий, не имея возможности подолгу и тем более постоянно жить в них, не имели и стимула тратить время и деньги на переустройство усадебных жилых комплексов в соответствии с новыми — европейскими — веяниями. Последние, несомненно, имели место — пригородные усадьбы знати уже с начала века перестраивались и возводились вновь на петербургский манер — с парками, прудами, парадным двором и т.п.; соответственно менялся интерьер и декор, в котором прихотливо сочетались старые и новые черты. Такой, например, была основанная в

1710 г. усадьба А.Д. Меншикова в Ново-Алексеевском: к дому вела березовая аллея, через каменные ворота с фронтоном открывался вход во двор-курдонер с цветником, включавшим фигурный партер, к которому с двух сторон подходили два сада; к главному корпусу деревянного оштукатуренного дома примыкали симметричные флигеля. В палатах первого этажа стены и потолок были оштукатурены, в столовой потолок украшен алебастровой лепниной, полы выложены белой лещадью с черными вкраплениями, в парадных комнатах стояли белокаменные резные камины. Правда, и здесь в интерьере встречались элементы, свойственные скорее старой традиции — во флигелях были изразцовые печи, крашеные столы, скамьи, покрытые сукном, двери, тоже обитые сукном или раскрашенные, в комнатах мезонина потолки были подбиты холстом и побелены; тем не менее, в целом усадьба резко отличалась от обычных помещичьих дворов с их рубленными хоромами.

Подобные нового образца усадьбы служили примером для подражания помещикам не столь родовитым и/или состоятельным, у которых хоромные строения старого типа, состоящие из нескольких горниц и повалуши, соединенных сенями, тоже постепенно выходят из моды. Вновь построенные усадебные дома объединяют жилые и часть хозяйственных построек под одной крышей, при этом сам дом из агломерата нескольких изб на подклетах, связанных сенями и переходами, превращается в единый, чаще всего поземный корпус, внешне пытающийся подражать столичным домам дворцового типа, а в плане следующий традициям посадской архитектуры с выделением парадной и жилой половины и функциональным делением помещений. Однако чем дальше от столиц располагалось имение и чем менее чиновен и состоятелен был его хозяин, тем меньше черт нового и больше черт старого являло собой его жилище. Конечно, это сочетание нового и старого трудно выразить в цифрах, статистически, но попробовать можно.

Воспользовавшись сборником описей помещичьих имений первой четверти XVIII в., автор проанализировал материал, датируемый 1701—1725 гг., по 102 усадьбам, в составе которых было 110 домов (хором, в том числе несколько приказчиных), принадлежавших 51 помещику⁴. Описания эти сделаны с разной степенью подробности, поэтому об абсолютной достоверности наших подсчетов говорить не приходится; тем не менее, полученные соотношения все же обладают некоторой показательностью. Упоминания о подклетах, жилых или глухих, встречены в 37-ми случаях, о чердаках, как над домом в целом, так и над сенями — в 28-ми случаях, о повалушах — в 17-ти случаях; хоромы типа «две горницы через сени» упоминаются 20 раз, хоромы, состоящие из белой и черной горниц с сенями между ними — в 16-ти случаях, черные горницы (избы и т.п.) встречаются в составе разного рода хором в 7-ми случаях, еще в 4-х случаях помещики жили в черных избах за неимением других помещений и, наконец, в 6-ти случаях помещичий дом представлял собой связь «изба — сени — клеть».

Все это говорит о том, что в петровское время помещичьи усадьбы, особенно у небогатых помещиков, еще очень мало отличались от аналогичных построек предшествующего столетия: хоромы из несколь-

ких срубов, соединенных сенями, поставленные на подклеты, с жилыми чердаками, а иногда и с гульбищами, повалуши во дворах, фигурирующие еще в 1725 году. Возможно, эти повалуши стояли еще и в правление Елизаветы Петровны — вряд ли средней руки помещик стал бы ломать еще пригодную для жилья постройку только из-за ее старомодности. В подтверждение можно привести такой пример — мемуарист майор М.В. Данилов пишет о своем двоюродном деде, имевшем чин стольника и ходившем в Чигиринский поход, который умер «около 1735 или 1736 года, пожив лет восемьдесят или более», что «он без выезда жил в той деревне, где я родился». «Усадьба, где он жил, в селе Харин, преизрядная была: два сада, пруд и кругом всей усадьбы рощи, церковь в селе деревянная. Хоромы у него были высокие, на оппипниках, и снизу в верхние сени была со двора предлинная лестница... Все его высокие и обширные с виду хоромы состояли из двух жилых горниц, через сени стоящих: в одной горнице он жил зимою, а в другой летом»⁵. Таким образом, еще в середине 30-х гг. XVIII в. провинциальные помещики доживали свой век в хоромах предшествующего столетия, которые могли простоять еще десяток-другой лет. То же касается и традиционных ворот с шатрами. А.Т. Болотов, рассказывая о приезде в 1762 г. в свое имение Дворяниново, пишет: «В единый миг очутились мы перед старинными и большими воротами моего двора, покрытыми огромною кровлею и снабженными претолстыми и узорчатыми веревями»⁶. Все это наследие XVII в. встречается в описях гораздо чаще, чем объединение нескольких помещений под одной крышей, парапеты на кровле и прочие новации.

Несколько больше оказался затронут новыми веяниями интерьер и отдельные детали: стеклянные окончины встречаются не реже слюдяных, кроме обычных муравленых и изразцовых печей, имеются и «крутлые», выложенные белым кафелем голландки. Наряду с лавками и поставцами довольно много новой мебели — кожаных стульев, кресел, кроватей (как с балдахинами, так и простых), в отдельных помещениях некоторых усадеб стены и потолок обиты холстом или оклеены бумагой, попадают ковры, зеркала, а картины соседствуют с образами. Однако все это большей частью встречается в богатых имениях, причем в других поместьях тех же владельцев продолжают стоять самые простые, чуть ли не крестьянского облика «хоромы».

Например, имение князя Г.И. Волконского (сенатора, начальника Тульского оружейного завода) в селе Якшино Московского уезда выглядело так (1715 г.): «Двор вотчинников, подле ево по одну сторону сад, а по другую сажена роща, а в ней дворового и хоромного строения полата кладовая; того двора и сад и роща городьба и ворота решетчатые, выкрашены белами и краснами красками. Во дворе строение: палата кладовая... Горница белая, 3 окошка красных, в них оконницы слюденых, в дву волоковых окошках оконницы слюденые ж, стол сосновой, пол четверта аршина, стул коженой, опушкою, печь кирпичная, белена известью. Перед горницею изба люцкая, в ней окошка красная, оконница стекляная да стол дубовой... Меж избою и горницею сени, в сенех чюлан, погреб с напогребицею; на погребе сусек... Другой погреб с напогребицею же... Анбар... Другой анбар... Третьей анбар... Сарай... Изба приворотная с сеньми, в ней стол дубовой, 2 оконницы слюденые, ворота задней о трех затворах; другая

изба приворотная... Сарай... сарай... Поварня с сеньми; изба люцкая с сеньми, в ней стол осиновой, 2 скамьи... горница белая, в ней четыре окошка красных, в них оконницы, да 2 маленькие споденые, стол круглой, обит кожей, перина с озоловья пуховик с пудушкой, 9 стулов кожных, в сенех стол большой сосновой; чолан. А те все белые горницы, и люцкие избы, и онбары, и погребы, и сораи, и задней ворота, и поварня кругом построены под одну кровлю в линию».

Вот еще одно его имение в селе Селезнево Тульского уезда, где в числе строений фигурирует каменный дом (единственный из всех нами учтенных): «полаты каменные, крыты тесом по польски; в них в крестовой полате поставлены для моления святые иконы... в крестовой же поставлены по стенам государева персона в черной раме, картины большие фряжские, описание Амстердама, описание Лондона, глобус, описание ветров, описание остродамское ж, описание аглицких правынций, описание голанских правынций, описание флота морского, 2 персоны женские, итого 9 картин; да средних картин в черных рамах 5 картин, в том числе картина — описание Нарвы, в зеленой раме, другая — Кроншлот; 10 картин малых...». Этот жилой корпус (два этажа, восемь палат) не единственный — в усадьбе также имеются «деревянные хоромы, крыты по польски тесом, тройня, при них 2 комнаты, да меж тех комнат комната ж, в нее хот быи ис переходов; в тех хоромах подбито холстом и росписано розными красками...».

И конструкция, и интерьер этих принадлежащих сенатору Волконскому усадебных жилых комплексов свидетельствуют не только о богатстве, но и о европеизированных вкусах своего владельца. Но в то же время имение князя в селе Долгие Лески Ефремовского уезда выглядит так: «2 горницы, промеж ими сени дубовые, 1 белая сосновая, в ней печь муравленая, и другая дубовая, а в той белой горнице 2 иконы..., стол липовый складной, росписан красками да постав липовой крашеной».

Еще один небедный человек — князь М.П. Гагарин (сибирский губернатор). Его имение в селе Сенницы Зарайского уезда (1721 г.): «на том дворе хоромное строение 6 светлиц, промеж ими двои сени». Здесь в крестовой палате, кроме образов, имеется «шаф липовой столярной вычурнен, кресла, обиты кожей залоченою; во оной светлицы убиты стены листовыми кожинами, залочеными листами, потолок подклеен бумагою и расписан краскою». «Да на тех же харомах кругом нижней кровли балясы, да над выходом из сеней чердачек... перед теми харомами лесница, по старанам балясы точеные... да перед теми харомами сажены березовые деревья». А вот его имение в селе Песочня Рязанского уезда: «тройня, 2 крыты тесом, 3-я саломою».

Наконец, имения, которыми в 1723 г. заплатились П.П. Шафиров и Г.Г. Скорняков-Писарев. Имение Шафинова в селе Петровское Московского уезда — это «6 светлиц с красными окошки, а в тех окошках по шету 48 акончин стекляных больших, в тех светлицах 3 постава крашенных сталярных, в том числе 1 большой, 2 кровати липовых столярных, 2 стола здвжных, в том числе 1 дубовой, 2 стала круглых, 7 стульев кожных, 2 стула триповых, в тех же светлицах 3 печи, в том числе 1 пенинная. Да при тех же хоромах к реке поставлено особая светлица да баня с сеньми, а в ней в красных окошках 2 окончины стекляных, над теми светлицами чердак, те хоромы крыты

гонтами». Его же имение в селе Везищи Каширского уезда: «3 горницы, при них комната, чулан, между ими сени, баня с прибанником, ледник, чердак с чуланом, в горнице 3 постова круглая, постав простой». Имение Скорнякова-Писарева в сельце Мишнево Московского уезда: «4 светлицы поземные да двой сени, а на том строении чердаки, крыты тесом; в тех светлицах 8 образов., 6 столов, в том числе 1 росписан красками, 2 печи кирпичные, 3-я израсчатая, 3 постова елевых; ...53 картины в рамах и без рам, в том числе на бумаге 8; да в тех же светлицах 22 окончины стеклянных; позади тех светлиц приделана изба люцкая с сеньми да баня с предбанником и с сеньми». И его же имение в деревне Казановка Епифанского уезда: «горница пластинная липовая 3-х саж., против ея черная горница 3-х саж., меж ими сени, крыты соломою»⁷.

Разница очевидна: те имения, в которых владельцы, по всей видимости, успевали появляться или имели возможность жить в них более или менее долго, приобретают новый вид: решетчатая ограда вместо прежнего тына, расписанные под кирпич ворота, парк, большой однокорпусный дом, парадная лестница с точеными балясинами, стеклянные окна, обитые холстом, кожей, бумагой, расписанные или даже позолоченные стены и потолки, обитые сукном лавки, кожаные и триповые стулья, крашенные под черное и красное дерево шкафы, поставцы с хрусталем, кровати, ковры, обилие картин на стенах, вплоть до портрета государя, видов европейских столиц и даже «описания ветров». В имениях же, отдаленных от места службы, все куда проще — какая-нибудь тройня или вовсе связь типа «изба — сени — клеть», без всяких обоев, кожаных стульев и фряжских картин. Приказчики в главных имениях — и те жили в более благоустроенных домах; видимо, в свои отдаленные вотчины столь состоятельные помещики либо вовсе не показывались, либо могли заезжать проездом, либо могли очутиться там помимо своей воли — в ссылке. Конечно, трудно предположить, что владельцы роскошных каменных домов в столицах, такие как Гагарин, Шафиров, Кикин, или прекрасных имений, как тот же Волконский, не испытывали известного дискомфорта, если им приходилось удовлетворяться какой-нибудь горницей с простой печью и под соломенной крышей; однако все эти люди петровского времени получали свои первые жизненные впечатления не в барочных дворцах, а в традиционных деревянных хоромах (а некоторые — и в обычных избах), поэтому могли достаточно легко адаптироваться (вспомним Меншикова в Березове). Новая усадебная культура, идущая от загородных домов и императорских резиденций Петербурга, в эти десятилетия только начинала формироваться, и ее приверженцы были еще очень немногочисленны в отличие от носителей старой поместной культуры — средне- и особенно мелкопоместных дворян, чьи усадьбы мало чем отличались от домов посадских и даже крестьян. Вот несколько примеров подобного рода:

И.М. Квашнин-Самарин, сельцо Муратово, Калужский уезд, 1706 г.: «2 горницы поземные, против их сени, да посередь двора повальпша»;

Д.П. Обольянинов, село Бельмово, Белевский уезд, 1707 г.: «изба белая, другая черная, промеж ими сени»;

С.Е. Гринев, деревня Юдино, Мценский уезд, 1707 г.: «светлица белая да изба черная, между ими сени, посторонь их повальпша»;

М.А. Кологривов, село Павловское, Одоевский уезд, 1707 г.: «изба черная, что живет помещик, посторонь ее повалыша, да изба другая черная ж, а в ней живет деловой человек»;

Г.В. Бегичев, сельцо Смирново, Соловской уезд, 1707 г.: «горница с комнотою, сени, по другую сторону повалыша»;

Т.А. Зеленый, сельцо Матенец, Торопецкий уезд, 1719 г.: «2 горницы, меж их сени; ...печь кирпичная, поставец, подголовок порозжей, 3 стола, 3 скамьи»;

Ф.С. Хрущев, двор в Дедиловском уезде, 1723 г.: «изба полутретья сажени дубовая, перед нею клеть 2-х саж., меж ими сени, забраны досками дубовыми... другая изба 3-х саж., перед нею сени плетеные, по сторон тех хором клеть 2-х саж.»;

Е.Е. Радилов, починок Фомин, Костромской уезд, 1723 г.: «2 горницы на подклетах, одна с комнатой, меж ими сени, повалуша»;

Я.Н. Астафьев, село Васильевское, Курмышский уезд, 1723 г.: «3 горницы, в передней горнице образ спасителей, 2 стола дубовых; в одной горнице печь муравленая, в передней и задней печей нет; между ими двои сени, повалуша, чердак; под оными горницами омшеник, 2 подклета, огорожен двор заметом»;

Ф.В. Безобразов, сельцо Лихвинки, Владимирский уезд, 1724 г.: «светлица на глухом подклете, против ее горница на жилом подклете, промеж ими сени, на сенях чердак»;

Т.Д. Телегнин, сельцо Шолохово, Луховский уезд, 1724 г.: «горница с комнатой, другая одинокая, меж ими сени, в сенях 2 чулана; в передней горнице божия милосердия 9 образов на красках; платья... перина да 2 зголовья пуховые, одеяло овчинное»;

И.А. Астафьев, село Крыжино, Брянский уезд, 1725 г.: «изба черная поземная с сенями, против избы клеть»;

Ф.М. Безобразов, сельцо Щипони, Брянский уезд, 1725 г.: «2 светлицы с комнотою... печь пынинная, стол дубовой, на оном столе ковер; во оной связи горница черная»;

В.И. Дуров, деревня Суботова, Брянский уезд, 1725 г.: «светлица белая с комнотою... против оной светлицы изба черная, сени... в вышпоказанной светлице печь кафленая обрасцовая, стол дубовой, на оном столе килим, постав липовой»;

П.М. Кузнев, деревня Каплина, Брянский уезд, 1725 г.: «светлица белая... у оной светлицы печь кафленая зеленая; против оной светлицы изба черная, сени, возле сеней позади светлицы повалуша»;

Е.Л. Мясоедов, сельцо Родное, Брянский уезд, 1725 г.: «свась, светлица белая двойная... во оных светлицах печи кафленая зеленая, стол дубовой; против оных светлиц изба черная; во оной же связи сени»⁸.

Подобная ситуация была характерна, видимо, и для последующих десятилетий; к сожалению, для второй четверти века мы не имеем похожего свода описей дворянских имений, поэтому в подтверждение этого предположения можно привести немного. Так, известным деятелем петровской эпохи, графом, генерал-фельдмаршалом, президентом Мануфактур-коллегии Я.В. Брюсом после его выхода в 1726 г. в отставку был построен каменный дом в с. Глинки — двухэтажный особняк в итальянском стиле, размещенный в глубине геометрически правильно разбитого двора. Это здание дворцового типа с боковыми ризалитами и двухэтажной лоджией в центре; рустованные

столбы с арками, парные колонны лоджий, пилястры, профилированный карниз, оконные проемы, украшенные на первом этаже рустом и маскаронами, и фигурными наличниками — на втором, белый цвет деталей и голубой цвет стен, вестибюль с парадным залом над ним — все это резко отличало усадьбу Брюса от обычных поместий с их деревянными «хоромными строениями». О том, как мог выглядеть интерьер не столь богатой усадьбы этого периода, говорит одна опись 1737 г., относящаяся к имению Д.М. Голицына (раньше принадлежало кн. Я.Н. Одоевскому): в столовой «дверь обита по полсти красным сукном, сукно ветхо; петли железные черные, скобы и крюк закладной с пробоем луженые. В той светлице два образа... Стол круглый, крашеной ореховою краскою; печь обращатая, трубы нет; в той светлице 6 окончин стекляных в свинце; с полуокончины затворки створчатые, затворы деревянные на петлях железных черных. В той же светлице 7 картин бумажных в рамах черных, в том числе одна картина Полтавской баталии, а на протчих литеры латынские. Подволока подбита тесом. В той же светлице 9 стулов коженных ветхи, пол досчатой».

К середине века подмосковные имения крупных вельмож елизаветинского царствования превращаются в настоящие барочные дворцы с регулярными садами и парками: можно привести в пример Кусково, принадлежавшее сыну петровского фельдмаршала графу П.Б. Шереметеву, Останкино князя А.М. Черкасского, Нескучное князя Н.Ю. Трубецкого. Однако это загородные резиденции богатейших вельмож, настоящие дворцово-парковые комплексы, которые ничего не говорят нам о том, в каких усадьбах жили средние и мелкопоместные помещики дальних уездов времен правления Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

По всей видимости, старые хоромы постройки последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. из соединенных сенями срубов с подклетами и чердаками к этому времени начинают приходить в негодность, новые же строятся до некоторой степени по-новому. Примером этого является относящийся к 1764 г. проектный рисунок А.Т. Болотова, изобразившего усадебный дом, который он собирался построить в своем имении Дворяниново в виде большого поземного деревянного срубного корпуса без признаков штукатурки, с 7-ю большими окнами по фасаду, под высокой крышей, по форме напоминающей некоторые столичные дома петровской эпохи. В плане центр дома занимали сени с нужником и парадный зал, по одну сторону были столовая, спальня, детская и еще одна комната, по другую — две больших комнаты (по одному варианту — и задние сени), всего 8 помещений, из них 6 жилых. Единый корпус здания и форма кровли здесь от новой эпохи, а бревенчатые стены и отсутствие всякого намека на ордер — от старой; вероятно, что и в интерьере можно было усмотреть что-то похожее.

У Болотова есть описание и старого господского дома, соответствующее началу 60-х гг. XVIII в.: «Хоромы наши были маленькие; они были превеликие, но обыкновение тогдашних времен приносило то с собою, что состояли они по большей части в пустых и нежилых покоях. Например, было в них двое превеликих сеней, из которых передние были так велики, что я через несколько лет после того сделал из них две прекрасных комнаты; а задние сени уместили в себе

также покойца два; а вместо того, были передние совсем пусты, а в задних был только один ход наверх, занимающий место целой комнаты. Из сеней сих был ход в переднюю, или, по-нынешнему, залу. Пространная комната сия была от начала построения хором холодная, и все украшение ее состояло в образах простых и в кивотах, коими весь передний угол и целая стена была наполнена, ибо обыкновения, чтобы комнаты подштукатуривать и обоими обивать, не было тогда и в завете... Что принадлежит до мебели, то нынешних соф, канапе, кресел, комодов, ломберных и других разноманерных столиков и прочего тому подобного не было тогда еще в обыкновении: гладенькие и чистенькие лавочки вокруг стен и много-много подюжинки старинных стульцев должны были ответствовать, вместо всех кресел и канапе, а длинный дубовый стол и какой-нибудь маленький складной вместо всех столиков»⁹.

Все это произвело гнетущее впечатление на приехавшего в 1762 г. в родительский дом хозяина, и он приступил к своего рода «евроремонту». В своих записках мемуарист рассказывает: в 1763 г. «мне как-то удалось очень скоро всю сию работу кончить и нажать себе три, хотя небольшие, но прекрасные и веселые комнатки, с большими окнами, — и не только с подбитыми холстиною и выбеленными потолками, но и обитые самим мною по холстине и довольно хорошо разрисованными обоями», на следующий год он «во всех [комнатах] потолки подбелил, а стены обил бумажными обоями»¹⁰ и т.д. Таким образом, получалось жилище некоего смешанного стиля: если дом и не строился заново, то путем непрерывных перестроек и переделок старинные хоромы постепенно все более европеизировались.

Подобно неспешной эволюции жилища менялся и костюм дворянина-помещика. Петр I действовал в духе культурной революции — достаточно вспомнить обрезание боярских бород и пол длинной верхней одежды в Преображенском в августе 1698 г., указы 1700 и 1701 гг., согласно которым все подданные царя-реформатора, кроме духовенства и пахотных крестьян, должны были переодеться в венгерское, польское и немецкое платье, указ 1705 г. «О бритии бород и усов всякого чина людям», в соответствии с которым лица разных сословий и состояний, не желавшие лишиться бороды, должны были платить фантастическую пошлину в 30, 60 или 100 руб., постоянное использование старой русской одежды в качестве маскарадной, указ 1722 г., предписывавший носить старинный костюм раскольникам, и т.д. и т.п. Однако дело шло вовсе не так быстро, как это хотелось бы Петру. Во второй четверти XVIII в. правительству приходилось неоднократно издавать распоряжения, дублировавшие его указы. На следующий же год после смерти реформатора таких указов было издано два: в акте от 5 июля 1726 г. речь о шла том, что «штаб, обер и унтер офицеры и рядовые, которые от службы вовсе и на время отпущены и к делам определены, ходят с бородами и в старинном русском платье», посему всем военным, включая отставников, предписывалось брить или хотя бы стричь бороду и ходить в немецком платье и при шпаге. Увольняясь в отпуск или выходя в отставку, рядовой или офицер должен был дать расписку Военной коллегии о выполнении данного указа, в противном случае рядовых и урядников наказывали батогами, а офицеров — штрафом (на первый раз — в размере месяч-

ного жалования, во второй — вдвое, в третий — втрое больше, а если виновный оказывался уличенным в четвертый раз, его следовало лишить офицерского патента и наказать как раскольника). В свою очередь, в указе от 4 августа 1726 г. повторялось требование обязательного ношения немецкого платья всеми столичными жителями, кроме крестьян, находящихся в городе временно. И даже Елизавета Петровна вынуждена была прибегать почти к тем же самым мерам, что и ее отец: в 1743 г. был издан указ, предписывавший «всякого звания российского народа людям, кроме духовных чинов и пашенных крестьян, носить платье против чужестранных, немецкое, бороду и усы брить.., а русского платья и черкесских кафтанов и прочих неуказных уборов отнюдь никому не носить и в рядах не торговать под жестоким наказаньем».

Таким образом, даже среди служилого шляхетства новый костюм приживался с трудом: до тех пор, пока старое поколение дворян, социализировавшееся и инкультурировавшееся до начала петровских реформ, оставалось достаточно многочисленным и влиятельным, ношение европейской одежды рассматривалось ими как составная часть единой служебной повинности, от которой стремились любым способом уклониться. И.И. Неплюев, вернувшийся в 1720 г. вместе с другими отправленными на обучение в Европу молодыми дворянами, рассказывает, какое неприятие встречал их европеизированный внешний вид и манеры в их же собственных фамилиях: «по нашему отлучению от отечества не токмо от равных нам возненавидены, но и от свойственников наших при первом случае насмешкою и ругательством по европейскому обычаю, в нас примеченному, осмеяны»¹¹.

Об этом же говорят и данные описей дворянских имений первой четверти века:

Ф.В. Кабанов, село Стогинское, Ростовский уезд, 1707 г.: «да у него ж пожитков: ...шуба баранья, покрыта крашениною.., 2 епанчи овечьих»;

Г.И. Волконский, сельцо Никольское, Данковский уезд, 1715 г.: на чердаке «3 епончи»;

Я.И. Лопухин, сельцо Высокое, Луцкий уезд, 1719 г.: «возле той светелки анбар, в нем 2 шляпы пуховые»;

Т.Д. Телегин, сельцо Шолохово, Луховский уезд, 1724 г.: «платья: камзол крашенинной поношеной, штаны зеленого сукна поношенные ж, епанечка китайчатая теплая»;

Ф.М. Безобразов, двор в сельце Шипони, Брянский уезд, 1725 г.: «платья: кофтан васильковой, полукафтанье камчатая красная, камзол суконной кармазинной красной, 3 юпки — одна цвету кирпичного луданная, другая красная луданная ж, 3-я штофовая, кунтош луданной вишневой под лисы; кофтан луданной стегоной, женский полушляфрок обдеренной, облажен горностаи, холодной, шапка соболя женская»;

В.И. Дуров, двор в деревне Суботовой, Брянский уезд, 1725 г.: «пожитков: шляфор комчатой гвоздичной, изподница суконная васильковая, подтелегрейка боборекавая крапивная»¹².

Конечно, этих данных слишком мало, чтобы на их основе делать какие то обобщения, но, тем не менее, нельзя не заметить, что камзолы, шляфроки и юбки в помещичьем гардеробе соседствуют с

телогрейками, епанчами и бараными шубами, а относительно «кофтанов» трудно сказать, новый или старый покрой имеется в виду. Интересно, что даже несколько десятилетий спустя небогатые дворяне вполне отчетливо представляли себе, как выглядел допетровский дворянский костюм, что говорит о том, что в детстве они могли видеть его в употреблении. Так, уже упоминавшийся артиллерийский майор М.В. Данилов (родился в 1722 г.), в своих записках, сделанных в 1771 г., рассказывает: «дед мой Гурий Осипович женат был на бабке нашей, Селивановой, с посредственным приданным, потому что не было за нею недвижимого имения в приданстве деревень; а было движимое, то есть белье и платье, кунтуши и подкапки бобром опущенные: по тогдашнему обыкновению лучший наряд был, соблюдается онъ и доднесь, носят еще по городам попадьи и купецкие жены. Из белья было приданого, между прочим, золотом вышиты по полотну сплошь круги в такую меру, как велики у человека колени или чашки у ног: оное платье носили мужчины вместо штанов, и называлось порты»¹³.

Заимствования и инновации не обошли стороной и культуру питания дворянства, однако и здесь процесс подвигался не быстро, подтверждением чему служат свидетельства иностранцев. Так, Юст Юль в 1709 г. побывал на обеде у нарвского обер-коменданта К.Н. Зотова. «Обед проходил по русскому обычаю следующим образом, — пишет датский посланник. — Прежде чем мы сели за стол русские много раз перекрестились и поклонились на образа, висевшие на стене. Стол, накрытый человек на 12, был уставлен кругом блюдами: но блюда стояли возле самых тарелок, так что середина стола оставалась свободною: на этом свободном месте находились уксус, соль, перец и большой стакан с крепким пивом. На блюдах находились лишь холодныя соленыя явства: ветчина, копченые языки, солонина, колбаса, селедка, соленья; все это было очень солоно и сильно приправлено перцем и чесноком. За сею первую переменою последовала другая — из различных жарких. Третья перемена состояла исключительно из супов». По словам Юля, «все явства были присыпаны перцем и крошеным луком»; на десерт подали соленые огурцы, сырую морковь и горох в стручках, а из сладостей имелись имбирное варенье и финики. Фридрих-Христиан Вебер — брауншвейг-люнебургский посланник, живший в Санкт-Петербурге в 1714—1719 гг., описывал порядок дворянского обеда так: «Русские прежде всего подают холодные кушанья: ветчину, колбасы, студень и всякого рода мяса, изготовленные с деревянным маслом, луком и чесноком; все эти кушанья остаются на столе с час времени и долее, затем идут супы, жаркое и другия горячия блюда, а уже в третьих подают конфекты». Камер-юнкер Берхгольц (автор дневника о пребывании в России в 1721—1725 гг.), будучи приглашен на ассамблею у президента Адмиралтейств-коллегии Ф.М. Апраксина, отметил, что стол «по здешнему обычаю чересчур заставлен кушаньями, в особенности разного рода жареным», а на приемном обеде в Сенате он обратил внимание на то, что «холодные кушанья и жаркия по старому русскому обычаю подавались на стол прежде супов»¹⁴.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. даже в Санкт-Петербурге, не говоря уже о провинции, в дворянских домах преобладали

старые традиции: это касается и ассортимента блюд, и порядка подачи, и гастрономической специфики. Холодные закуски, как и в предшествующем столетии, подаются перед жарким, жаркое — перед супом, все, что только можно, приготовлено с луком, чесноком и перцем, сладкие «заедки» (десерт) включают в себя огурцы, горох и т.п., из нового — только конфеты.

Преобладание традиции над новацией еще больше характеризует помещичий стол, отдельные сведения о котором мы можем получить из описей конфискованных имений, куда частично попадали и данные о содержимом усадебных кладовых и погребов:

А.И. Викторов, село Лески, Карачевский уезд, 1707 г.: «под хоромами амшеник, а в том амшенике ..бочка вишен налита вином»;

Ф.П. Цыганов, село Подолец, Суздальский уезд, 1715 г.: «погреб с выходом деревянным, в нем 3 чана капусты, 2 с огурцами, боченок с брусницею»;

Г.И. Волконский, село Якшино, Московский уезд, 1715 г.: «палата кладовая..., а в полате положено: жестянка ш чаям,... бочка ведер в 7, другая в полтора ведра, запечатаны, по скаске старосты в обеих вина неполне; кадка меда мерою вышина в оршин, в ширину сверху в ней три чети, другая с медом в вышину 3 чети, в ширину в ней 3 чети без вершка; кадка масла коровья в вышину 3 чети, в ширину в ней пол аршина, половина кринки масла коровья ж, 2 головы сахару... в погребе 3 бочки с пивом, не вполне большия, да 2 маленькия с медом, 2 бочки медовья порожня, 2 бочки квасные, 2 катки с копустою, 3 кадки с огурцами, четвертная скляница с уксусам... другой погреб с напогребницею ж, а на погребе в сусеке:... 12 полот ветчины, 10 гусей соленых»;

Г.И. Волконский, село Селезнево, Тульский уезд, 1715 г.: «3 бутылки больших, 1 с воткой красною, 4 четвертных с воткою ж, ...нижняя полата..., в ней 10 бочек вина, а в тех бочках... 304 ведра... при той же в нижней полате, в другой, ис которой выходят во двор, в ней 9 бочек вина, а в тех бочках... 257 с полу... под палатами погреб..., в том погребу... меду 3 бутылки, поставлены в земле, а по скаске прикащика, те бутылки с красным питьем»;

Б.А. Чашлыгин, село Алканово, Рязанский уезд, 1716 г.: «амбар сосновой крыт дранью, а в том анбаре ...ветчины 7 полот, 2 коравая сала, а в них весом в одном 10 ф., в другом 16 ф.»;

А.В. Кикин, Коростынский погост, Новгородский уезд, 1718 г.: «в погребу... кадочка с творогом ведра в 4»;

И.В. Отяев, село Давыдовское, Юрьево-Польский уезд, 1723 г.: в житнице «пол осьмины орехов, 90 полтей ветчинных, 21 гусь соленой вяленой, 27 уток, 7 короваев сала»¹⁵.

Солонина, ветчина, утиные и гусиные полотки, коровье масло, творог, соленая капуста, огурцы, хлебное вино, водки, наливки, меды, пиво, квас, брусничная вода, чай, сахар, орехи — вот что хранилось в амбарах и сусеках помещиков самого разного чина и состояния. Все продукты и напитки вполне традиционны (исключением смотрятся лишь чай и сахар у Волконского); жили тут помещики и члены их семей постоянно или лишь заезжали время от времени, питались они так же, как их отцы и деды. При этом данное положение, насколько можно судить по мемуаристике, характеризовало не только первую,

но и вторую четверть века. У М.В. Данилова в воспоминаниях о местном быте 30-х гг. XVIII в. фигурируют щи с бараниной и хлебное вино. Несколько более поздний период описывает А.Т. Болотов, вспоминая, как в юности он навещал своего дядю в соседнем имении: «Полудничанья сии... состояли обыкновенно, из трех или четырех блюд. Первое из оных было с куском ржавой ветчины, или с крошкой; второе с наипростейшими и, что всего страннее, без соли вареными, зелеными или капустными щами. Бережливость дяди простиралась даже до того, что он не вверял соли стряпавшим, но саливал щи сам на столе и, третье, составлял горшок либо с гречневой, либо со пшенной густою кашею, приправляемою на столе коровьим топленым маслом, ибо сливочного и соленого и в завете нигде не важивалось»¹⁶. Ветчина, крошка, щи, каша, топленое масло — все это ничуть не изменилось с домостроевских времен и в царствование Елизаветы Петровны.

Ассортименту блюд соответствовал набор столовой посуды, известной по материалам описей. Мы имеем данные по 28 имениям, находившимся в 20-ти уездах, принадлежавших 20-ти владельцам разного статуса и положения, относящиеся к периоду 1705—1725 годов¹⁷. Серебряной и фарфоровой посуды не оказалось ни в одном имении, оловянная посуда имела в 15-ти хозяйствах, стеклянная — в 14-ти, деревянная — в 13-ти, медная — в 10-ти, хрустальная — в 10-ти, майоликовая — в 7-ми. Исходя из этого, можно сделать вывод, что самыми распространенными видами столовой посуды были оловянная, стеклянная и деревянная. Посуда эта разных типов, включая и отсутствовавшие раньше, и исчезнувшие позже, причем посуды последнего рода явно больше, чем первого: если противень оказался в наличии в 3-х имениях (самая ранняя дата — 1715 г.), чайные чашки (так же, как и чайники) — тоже в 3-х имениях (первый раз в 1715 г.), то ендова — в 6-ти (самая поздняя дата — 1725 г.), кумган — в 4-х (последний раз в 1721 г.), братина — в 2-х (последний раз в 1719 г.), рассольник — в 1-м (1715 г.). Даже из этого перечисления очевидно, что вплоть до конца петровского правления столовая посуда старых типов преобладала. Столовое серебро полностью отсутствовало даже в подмосковных усадьбах таких состоятельных людей, как князь Волконский, у которого приказчик мог владеть хрустальной посудой (в с. Никольское). Зато присутствовала деревянная посуда, причем не только в имениях мелкопоместных дворян, но и у того же Волконского (в его каменных палатах в Селезнево).

У нас, к сожалению, нет столь же информативных источников, чтобы выяснить, насколько изменилась ситуация в последующие десятилетия, но определенные предположения сделать все же можно: видимо, отдельные предметы столового серебра в помещичьих имениях стали появляться, но большая часть посуды по-прежнему оставалась оловянной, а то и деревянной. В подтверждение этого можно привести выдержку из записок Ф.Ф. Вигеля, где речь идет о середине 50-х гг. XVIII в.: «Чтобы судить о неприхотливости тогдашнего образа жизни Пензенских дворян, надобно знать, что ни у одного из них не было фаянсовой посуды, у всех подавали глиняную, муравленую (зато человек хотя несколько достаточный не садился за стол без двадцати четырех блюд, похлебок, студеней, взваров, пирожных). У одно-

го только Михаила Ильича Мартынова, владельца тысячи душ, более других гостеприимного и роскошного, было с полдюжины серебряных ложек, их клали пред почетными гостями, а другие должны были довольствоваться оловянными»¹⁸.

Подводя итог, следует сказать, что изменения в повседневном быту помещичьего дворянства в период первой половины XVIII в. накапливались постепенно; пища, одежда, жилище — все это поступательно менялось под воздействием европеизаторских инициатив Петра Великого и его преемников, но независимо от желаний и распоряжений последних, это была не культурная революция, а культурная эволюция.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания № 2014/310 (код проекта 856).

1. ПОСОШКОВ И.Т. Книга о скудости и богатстве. М. 1937, с. 254.
2. КОРФ С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 годов. СПб. 1906, с. 1.
3. ЯБЛОЧКОВ М. История дворянского сословия в России. СПб. 1876, с. 438.
4. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М. 1951, с. 20—365.
5. Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л. 1991, с. 286—288.
6. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Т. II. 1760—1771. М.-Л. 1931, с. 196.
7. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства..., с. 86—331.
8. Там же, с. 22—325.
9. РЯБЦЕВ Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XVIII—XIX вв. М. 1998, с. 223—225.
10. Жизнь и приключения Андрея Болотова..., т. II, с. 243, 283.
11. СЕМЁНОВА Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. Л. 1982, с. 129.
12. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства..., с. 41—277.
13. Безвременье и временщики..., с. 288.
14. СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 256, 258.
15. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства..., с. 103—357.
16. СЕМЁНОВА Л.Н. Ук. соч., с. 257.
17. Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства..., с. 29—355.
18. Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. Время Екатерины II. М. 1922, с. 51.